

№3(16)

*Памяти
предков,
Благу
потомков*

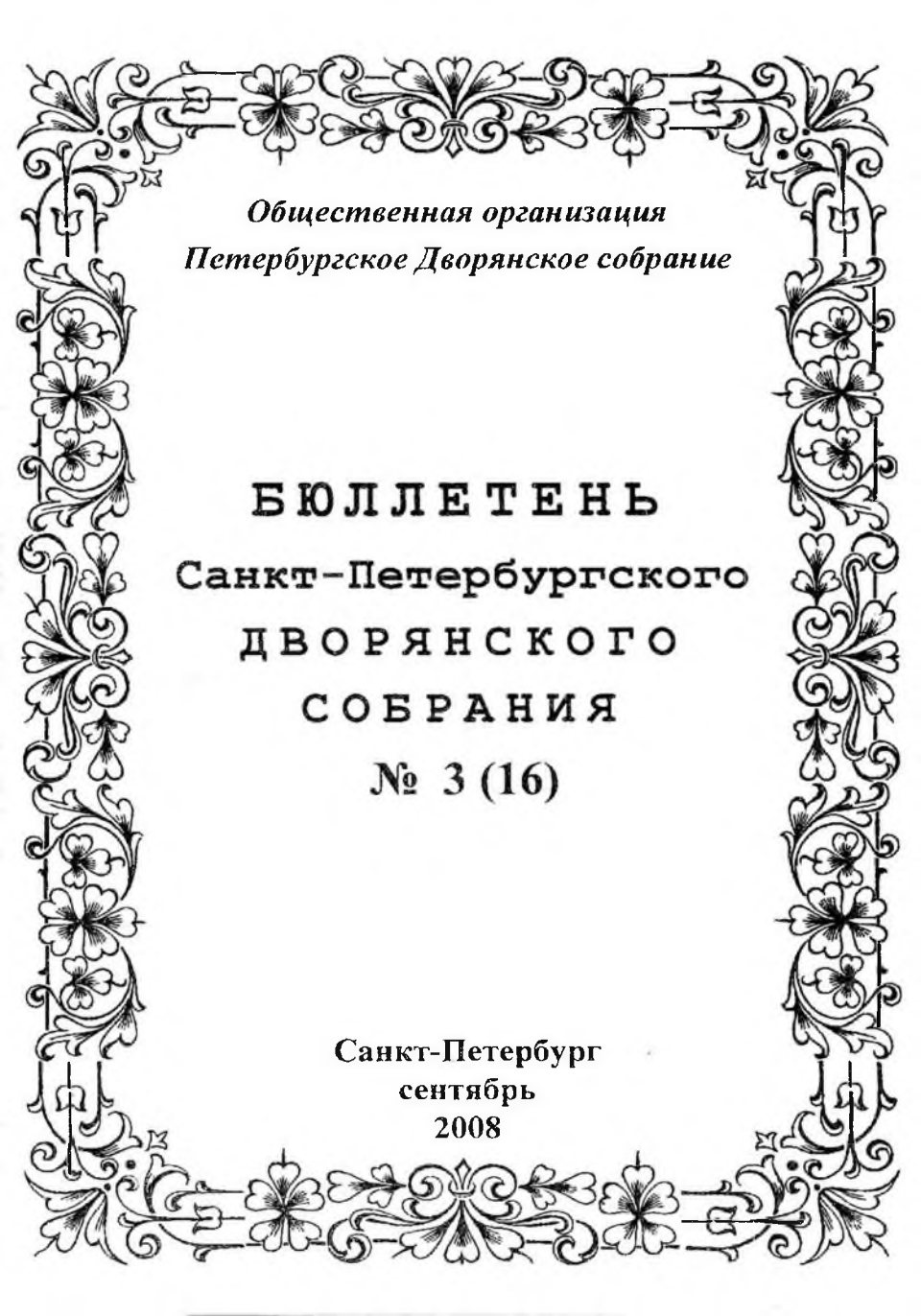
Б Ю Л Л Е Т Е Н Ъ

Санкт-Петербургского

ДВОРЯНСКОГО

СОБРАНИЯ

Санкт-Петербург
сентябрь
2008

A decorative border with a repeating floral and scrollwork pattern surrounds the text.

*Общественная организация
Петербургское Дворянское собрание*

**БЮЛЛЕТЕНЬ
Санкт-Петербургского
ДВОРЯНСКОГО
СОБРАНИЯ
№ 3 (16)**

**Санкт-Петербург
сентябрь
2008**

Наши родословные

А. В. Доливо-Добровольский

Ольга Форш – внучка Ф.Л. Доливо-Добровольской

Замечательная русская писательница Ольга Дмитриевна Форш (урождённая Комарова) приходится мне довольно близкой родственницей: она была троюродной сестрой моего дедушки Владимира Николаевича Доливо-Добровольского, а её бабушка Федосья Леонтьевна – родной сестрой моего прапрадеда Якова Леонтьевича Доливо-Добровольского. Статья об Ольге Форш является продолжением моей статьи, опубликованной в «Бюллетене Санкт-Петербургского Дворянского Собрания», №2(15) за 2008 год «О моей двоюродной прапрабабушке Федосье Леонтьевне и об её потомстве». В этой статье я рассказал о браке Федосьи Леонтьевны и Виссариона Саввича Комарова и о семнадцати детях этого брака, воспитанных моей прапрабабушкой.

Ольга Комарова, в замужестве Форш, была дочерью второго сына Федосьи Леонтьевны, генерала Дмитрия Виссарионовича Комарова, и его супруги Нины Шакэтдиновой, о которой говорили, что она азербайджанка по фамилии, грузинка по имени и армянка по вероисповеданию (монофизитская ветвь православия). От матери Ольга Дмитриевна унаследовала свою восточную внешность: горбатый нос и смуглую кожу. Через свою мать она была в родстве с известным русским учёным и филологом отцом Павлом Флоренским и с не менее известным лермонтоведом и рассказчиком Ираклием Андрониковым. Она родилась в 1873 году в высокогорном ауле Гуниб, бывшем последним оплотом Шамиля и взятом под руководством графа Николая Ивановича Евдокимова, специально отозванного Барятинским для разработки плана штурма неприступной крепости. Отмечу, что зятем Николая Ивановича был ещё один генерал кавказских войн, граф Виктор Яковлевич Доливо-Добровольский-Евдокимов – ещё одно пересечение судеб Комаровых и Доливо-Добровольских. В Гунибе она жила в белом доме своих родителей со стенами почти двухметровой толщины. Отсюда

Оля Комарова смотрела на скалы, на орлов, проносившихся по ущелью, на прекрасный мир кавказских гор. Позднее она писала: «Конечно, Гуниб. Его незабвенная красота, навсегда восхищавшая перспектива уходящих вдаль, в небо гор. Именно это определило подсознательно характер и ритм моих речей».

Бедная Оля Комарова рано осиротела: трёх лет она лишилась матери, восьми – отца. Её воспитала бабушка Федосья Лентьевна, ставшая ей второй матерью. Все, знавшие Ольгу Дмитриевну, отмечали, что в ней есть что-то от прославленных русских генералов: гордость, смелость, мужество, решительность, унаследованные от отца, героя кавказских войн, и от предков со стороны Доливо-Добровольских, также давших польских и русских военачальников.

Оля Комарова была отдана учиться сначала во французский пансион для благородных девиц в Тбилиси, потом в Николаевский сиротский институт в Москве, куда принимали осиротевших детей русских офицеров и генералов. По окончании института в 1891 году она поехала в старое комаровское имение Долгушку к своему двоюродному брату князю Александру Павловичу Мещерскому. Александр Павлович был последователем писателя-народника Александра Николаевича Энгельгардта. Народнические идеи были восприняты и его кузиной. Так, в 1892 году она участвует в организации бесплатных столовых для голодающих крестьян Рязанской губернии, следуя призыву графа Льва Толстого.

В 1893 году Ольга Дмитриевна переезжает в Петербург и поступает учиться живописи в студию академика Павла Петровича Чистякова, где делает большие успехи. Увлечение живописью остаётся у Ольги Дмитриевны на всю жизнь, живопись становится её профессией, а после того, как она стала известной писательницей, – её второй профессией. Она занималась живописными работами до последних дней своей жизни. Её первый учитель Павел Чистяков произвёл на неё неизгладимое впечатление, причём не только как мэтр в области рисунка и живописи, но также и в качестве наставника в понимании изобразительного искусства, как высшей формы выражения личности художника, его этических воззрений, его отношения к жизни. Их

знакомство длилось на протяжении четверти столетия. Долгие годы Ольга Дмитриевна посещала стареющего художника на его даче в Царском Селе. Они беседовали о задачах искусства, о великих художниках прошлого и о современных живописцах, о законах мастерства. Изречения Павла Петровича Ольга Дмитриевна записывала в отдельной тетрадке и хранила эту тетрадку всю жизнь. Она много сделала, чтобы посмертно восстановить память о незаслуженно забытом художнике, писала о нём статьи, включила образ П. П. Чистякова в число героев своего романа «Современники», к десятилетию его смерти подготовила монографию «Художник-мудрец», до последнего дня боролась за популяризацию его имени и его наследия.

По окончании школы П. П. Чистякова Ольга Дмитриевна стала преподавать рисование в частной школе Е. С. Левицкой в Царском Селе и вела рисование и лепку в детском саду Л. А. Пушкаревой. Многие восхищались её педагогическими талантами: она читала детям сказки Пушкина и Андерсена, дети увлечённо лепили Руслана и Щелкунчика. Во время прогулок по царскосельскому парку дети собирали жёлуди и осеннюю листву, любовались садовым искусством и архитектурными пейзажами. На свои уроки Ольга Дмитриевна приносила то великолепные садовые цветы, то ягоды и фрукты, учила изображать в зарисовках волшебные краски щедрой русской природы. После её рассказов о Нансене дети рисовали или лепили героев полярных путешествий.

Комаровы были в родстве со Срезневскими, и вот в 1894 году, на свадьбе Веры Измайловны Срезневской, младшей дочери прославленного академика, Ольга Комарова познакомилась со своим будущим мужем, братом жениха, двадцатисемилетним поручиком-сапёром Борисом Форшем. После брака она переехала в Киев. Тесть Ольги Дмитриевны Эдуард Иванович Форш был достаточно яркой личностью. Он с отличием окончил Инженерное училище, потом Инженерную академию, потом Академию Генерального штаба, его имя золотыми буквами записано на досках обеих академий. Он дослужился до генеральских чинов, был начальником геодезического управления Главного штаба и шефом корпуса военных топографов. Муж О. Д. Форш

хотел последовать карьере отца, но из-за полученной в детстве мозговой травмы не смог поступить в Инженерную академию и служил в армейском сапёрном батальоне. Он оказался талантливым переводчиком и незадолго до своей преждевременной кончины перевёл гётевского «Фауста». В 1904 году он вышел в отставку, но, движимый своим патриотическим долгом, в 1914 году снова записался на участие в военных действиях, дослужился до чина подполковника и в начале 1920 года скончался в Киеве от сыпного тифа.

Писательницей О. Д. Форш стала ещё в начале века. Её первое крупное произведение – повесть «Рыцарь из Нюрнберга» (1908), в которой показана нереальность мечты возвысить миропонимание женщины через приобщение к любви и к искусству. Первые свои рассказы, объединённые позднее в сборник «Вчерашний день», а также «Сказки»: «Пред воротами», «Индийский мудрец», «Пассифлора» (1907-1908) она подписывала А. Терек. Эти её произведения проникнуты верой в чудесное, содержащееся в самом человеке. Она была близка к символистам, поклонялась Александру Блоку, хотя к Блоку как автору поэмы «Двенадцать» она впоследствии относилась без особого пиетета и говорила, что у него лицо «немецкого перестарка в аптеке». С интересом относилась она также к Андрею Белому, хотя отличалась от них обоих неизменной верой во внутренние силы самого человека. В 1910 году она вернулась из Киева в Царское Село, посещала встречи на квартире Ремизова и поэтические вечера на «Башне» у Вячеслава Иванова. В эти годы популярность поэтических сред Вяч. Иванова существенно упала, его «мистерии» и «литературное служение» Ольга Форш воспринимала как проявление дурного вкуса. Несмотря на успехи своих первых рассказов, она считала себя более художником, чем писателем.

Революция и Гражданская война застаёт её снова в Киеве, где она работала заместителем редактора детского журнала «Ковёр-самолёт». Это были очень тяжёлые годы, безденежье заставляло её искать дополнительные работы, вплоть до сборщицы малины или копки картошки на чужих участках, уборщицы на подённой работе. Пройдя через всё это и пережив прежде-

временную смерть мужа, Ольга Форш закалила свой дух и впоследствии никогда не жаловалась на трудности своей жизни и на свои болезни в старости. Её укреплял дух её предков, генералов Русской армии.

После смерти мужа она по вызову Вольфилы (Вольной философской академии) вернулась в Петроград; в Вольфиле она вела кружок по теории творчества и выступала со своими рассказами, подписанными Анна Терек. Её поселили в знаменитом Доме искусств (современный адрес – Невский проспект, дом 15). Этот дом, построенный екатерининским генерал-полицмейстером Петербурга Н. И. Чичериным, сменил много хозяев. История известных людей, в разное время живших в нём, могла бы стать содержанием толстой книги. До революции его последними владельцами были купцы Елисеевы. В голодные и холодные, сыпнотифозные и холерные двадцатые годы в этом доме, по инициативе Максима Горького, была создана писательская коммуна, объединившая под одной кровлей разноликую и разновозрастную армию представителей русской культуры, продолжавших свою деятельность в неустроенном быте военного коммунизма. Для многих из них этот дом стал надёжным пристанищем в эти трудные годы. Ольга Форш жила на четвёртом этаже, в абсолютно круглой комнате с видом на Невский. Потом эта комната фигурировала в некоторых её романах. С 1922 по 1930 годы она пишет серию рассказов о современной ей жизни, объединённых потом в циклы «Обыватели» (1922-1928), «Московские рассказы» (1925), «Летошний снег» (1925). С 1925 года она отказывается от своего псевдонима. Воспитанная в народническом духе, она в целом приняла Октябрьскую революцию, но стремилась показать, что в ходе наступивших революционных преобразований разрушаются святые для неё традиции русской жизни и культуры, которые создавались веками.

Впоследствии Ольга Форш описала совместное проживание писателей и художников в Доме искусств в романе «Сумасшедший корабль» (1930 г., отдельное издание – 1931 г.), который называла своим лучшим произведением. Она создала образ плывущего через пучины революционных потрясений гигантского Ноева ковчега, наполненного жителями ДИСКА (так со-

кращённо называли Дом искусств) и их гостями, представителями русской художественной элиты Серебряного века, пытающимися поддержать угасающую в советской действительности культуру начала XX века. Все они там фигурируют под псевдонимами, которые расшифрованы: Либин – Билибин, Котихина – Щекатихина, Копильский – Слонимский, Гоголенко – Зоценко, Сохатый – Замятин, Эльхен – Нельдихен, Элан, или «последняя маска» – Надежда Павлович, Ариоста – Маризэтта Шагинян, Феона Власьева – Султанова, Акович – Аким Волынский, Жуканец – Борис Шкловский, профессор Михаэлос – Гершензон, Микула – Николай Клюев, Гаэтан – Александр Блок, «Инопланетный гастролёр» – Андрей Белый, Еруслан – Максим Горький, Китов – Ионов, Тюдон – Ромен Роллан, Корюс – Барбюс, Долива – сама писательница Ольга Форш, Гена Чорн – Евгений Шварц, «Юный фавн» – Лев Лунц, «Высоченный человек» – Корней Чуковский, «поэт с глазами нильского крокодила», а также «поэт с лицом египетского писца» – Николай Гумилёв, писатель Сосняк – Пильняк (вариант – Всеволод Иванов), «невысок, глянцево-лыс с лицом единственным» – Фёдор Сологуб, «женщина, тоже поэт, но не поэтесса» – Е. Полонская, «ерофеевская прислуга» – сохранившаяся в доме прислуга купцов Елисеевых.

В романе облики этих героев и их жизнь предстанут перед читателями в каком-то фантастическом и гротескном ключе: этот роман – не литературные воспоминания, а жутковатая гофманиада, где действующим лицам придаётся при этом реальный вид. Сквозь внешние формы бытия писательница показывает внутреннее видение своих героев; время смещено, одни пространства вторгаются в другие, ряд событий зашифрован для неосведомлённого читателя. И всё же в романе отчётливо проступают трагические черты новой эпохи. «А на завтра, хотя улицы были полны народом, они показались пустынными. Такое безмолвие может быть... когда в доме покойник, и живые только что вошли к нему. На столбах был расклеен один, уже приведённый в исполнение приговор. Имя поэта там значилось», – так пишет Ольга Форш, не называя казнённого, но мы легко угадываем его имя – это Николай Гумилёв. Далее Ольга Форш пишет,

как жители Петрограда восприняли весть о гибели Гумилёва: «Никто никому ничего не пояснял. Не спрашивали. Не толкались. К уже стоящим подходил новый, прочитывал, – чуть отойдя, оставался стоять. На проспектах, улицах, площадях возникли окаменелости. Каменный город». По силе впечатления этих строк это почти босховское видение мира.

В своём романе «Сумасшедший корабль» Ольге Форш удалось осуществить удивительный сплав истории, мемуаров и обобщённо-символического облика этой страшной эпохи. Позднее такой сплав будут называть фантастическим реализмом латиноамериканской школы, появившейся позже этого романа. В романе писательница сравнивает жизнь своего «Дома» с виноградниками на краю вулкана, когда, не думая о смертельной опасности нового бытия, люди расцветали своим лучшим цветом. Один из героев этого «Дома» провозглашает: «Положение отчаянное – будем веселиться!» Опасно было так писать в рапповские времена, но как-то обошлось. Долгие годы этот роман не переиздавался, лишь последнее время он обретает вторую жизнь.

В 1933 году Ольга Форш опубликовала новый роман «Ворон» (первоначальное название «Символисты») с посвящением своему любимому писателю Николаю Гоголю. В романе сопоставляется богатая духовная жизнь общества в начале XX века и бюрократически организованная жизнь в первые годы Советской власти. У советской молодёжи внешняя жизнь – заседания, работа в разных ячейках, бюро, доносы, судилища над своими товарищами – отбирает все иные помышления, им не хватает времени на внутреннюю жизнь и на осознание высокого духовного уровня жизни их отцов.

Так писать становится опасным. Деятели РАППа отрицательно оценивают её творчество, её не считают советской писательницей и называют «попутчицей». Ольге Форш удалось выжить ценой ухода от современности. Она решает стать писателем-историком. Кроме того, в 1930-м году и сам ненавидящий её РАПП прекращает своё существование, а его деятели подпадают под жёрнов сталинских репрессий. После его ликвидации у Оль-

ги Форш возрастает число её контактов с советскими писателями.

После ДИСК'а Ольга Дмитриевна одно время жила по адресу Литейный проспект, дом № 9. В 1924 году она опубликовала свой роман «Одеты камнем», сделавший её знаменитой. Это роман о революционере Бейдемানে, заключённом пожизненно в Петропавловскую крепость. Современные ей критики называли эту книгу «первым советским историческим романом». Ольге Форш шёл уже 52-й год, когда она нашла в литературе свою более безопасную тематику: исторические романы. В этом доме она писала свой роман «Современники» о Николае Гоголе, жизнь и смерть которого овеяны всяческой мистикой, мифами и легендами, и о художнике Александре Иванове, близком ей как художнице. В этом романе фигурирует и её любимый учитель П. П. Чистяков. Как-то, когда она читала своему другу, писателю Николаю Тихонову, главу из этого романа, в которой герои услышали стук в дверь, побежали её открывать и в дверях увидели Гоголя, оба они, Форш и Тихонов, услышали настойчивый стук в окно. Подняв глаза, они увидели в открытой форточке большого ворона, удивительно похожего на Гоголя в чёрном фраке. Тихонов потом шутил о мистической силе романа Ольги Форш.

Окончание в № 4 (17).